

— Кира, а давай с тобой вина выпьем! Я столько этого дня ждала, ты себе не представляешь!

Мама подскочила с дивана, распространив вокруг себя сладковатый аромат арабских духов. А может, они были вовсе и не арабские. Просто приторные. Интересно, почему у женщин после сорока пяти вкус на духи меняется? Прямо тянет их на остро-сладкие восточные ароматы, точно они постаревшие, но все еще претендующие на любовь жены султана. Так, наверное, и пахнет у них там, в гаремах...

Кира поморщилась невольно, но тут же спряталась за благодушной дочерней улыбкой. В конце концов, у мамы сегодня и впрямь большой праздник — дочь институтский диплом домой принесла. И не какой-нибудь там обыкновенный синюшный, как у всех остальных выпускников их юридического факультета, а красненький, яркий. Открываешь — а он еще типографской краской пахнет. Это от синюшных дипломов ничем

ВЕРА КОЛОЧКОВА

не пахнет, потому что их много всегда делают. Впрок. Чтоб всем хватило. А красные — специально заказывают. Как мама заявила, только для таких выраженных индивидуальностей, как ее дочь, Кира. Потому что она способнее и умнее остальных. Потому что у Елены Андреевны Воротынцевой, Кириной мамы, другой дочери ну просто никак, ни при каких обстоятельствах случиться не могло. Потому что умные и способные дети, они же не просто так, сами по себе, умные да способные, они ж благодаря родительскому исключительному вниманию такими получают. Так сказать, по заслугам им воздаются. Если имеются у тебя заслуги по воспитанию — хороший ребенок вырастает, а если уж нет — то уж извините. Получайте, что заслужили. А сам по себе ребенок вроде и ни при чем. И даже поспорить на эту тему с Кириной мамой нельзя было. То есть совсем бесполезное это занятие — спорить. Лучше и не пытаться. Кира, впрочем, и не пыталась... Сидела и слушала эту галиматью вот уже час, и терпела, и послушно кивала. И это вместо того чтобы с чистой совестью праздновать окончание учебы в компании одноклассников. А что делать — маму тоже обижать нельзя. Пусть говорит, пусть тешит свое родительское тщеславие. Жалко, что ли? Если женское мамино тщеславие потешить некому, пусть хоть родительское порадуется. Ей же так не терпелось, просто

Под парусом надежды

до дрожи в руках не терпелось взять в руки эту красную книжицу...

— Вот! Специально для этого случая берегла! Настоящее, французское! — бухнула мама с размаху на журнальный столик красивую длинную бутылку. Звякнув фужерами, она снова собралась было сесть с ногами на диван, но тут же взмахнула маленькими ручками: — Ой, а штопор! Я штопор забыла! А где он, Кира? На кухне, наверное... Ой, мы так редко вино пьем, что я не помню даже, где у нас штопор лежит...

В открытую дверь комнаты Кира увидела, как, пробегая по короткому пространству между комнатой и кухней, мама на мгновение задержалась перед зеркалом. Потом послунявила привычным жестом пальчики, такими же отработанными движениями пощипала челку, потом перышки на висках, потом повертела по-птичьей головой туда-сюда и, видимо, оставшись довольной своим послунявленным видом, скрылась на кухне. Нет, прическа у мамы, конечно, была всегда стильная. Небрежная вроде бы, будто ветром стихийным взлохмаченная. Но это только казалось так — а на самом деле это была парикмахерская обманка такая. Кира видела, сколько времени над этой самой обманкой трудилась тетя Люся, мастер-стилист из дорогого салона, а по совместительству мамина закадычная приятельница и в главных делах советчица. Она и на Кирину голову неод-

ВЕРА КОЛОЧКОВА

нократно покушалась с целью наведения на ней модно-стильного порядка, да Кира не далась. Еще чего — два часа на саму себя в зеркало пялиться, обмотавшись клеенчатой жесткой штучковиной, которую тетя Люся уважительно именуется пеньюаром... Времени же просто жалко! А волосы можно и в хвост убрать, гладко зачесав назад. Тем более ей идет. Все так говорят. И Кириллу нравится. Он сам недавно признался, что на этот ее необузданный конский хвост и запал.

Странно отношения у них с Кириллом сложились. Как-то вдруг. Ни с того ни с сего, можно сказать. Проучились вместе пять лет, и ничего, как говорится, не предвещало, а на зимней последней сессии взяли и «задружили» взахлёб. Именно задружили, как выразились ребята из группы. Не в койку сломя голову бросились, а все честь по чести — с проводами до дому, с посиделками в кафе, с прогулками по городскому парку, с бросанием хлебушка двум серым лебедям на весеннем пруду. И имена у них оказались такие друг для друга подходящие, как на заказ — Кира и Кирилл...

Хотя девчонки из группы упорно подозревали ее в некоторой расчетливости — папа-то у Кирилла был тот что надо папа. Известный в городе адвокат Линьков. И не просто адвокат, а хозяин целой адвокатской конторы. И намекали девчонки всячески, что не зря, мол, она своим пышным

Под парусом надежды

конским хвостом Кириюху Линькова приманивала. Что, мол, таким вот примитивным способом захотелось ей зацепиться за хорошее местечко, в стажеры к папе попасть. Вроде того, она и сама все пять лет учебы талдычила, что мечтает хорошим адвокатом заделаться. А пойдешь, попробуй, заделайся им на пустом месте! Кто тебя за просто так, с улицы, в эти стажеры возьмет? Кому это нужно — учить да натаскивать тебя за счет своих же адвокатских хлебов целых два положенных года? Никому и не нужно... Кира отшучивалась, конечно, как могла, то есть ловко отпрыгивала от летящих в ее сторону колких стрелочек, но все равно слегка ей обидно было. А с другой стороны — это ж нормально, наверное? Зависть — чувство вполне реальное, понятное и очень даже со всех сторон объяснимое. Они и пятеркам ее точно так же завидовали, и фигуре модельной, и лицу без косметики, и манере держаться — независимо, особняком... Так что и на здоровье им — пусть себе подозревают ее в расчетливости. Не объяснять же, в самом деле, что это просто совпало так счастливо, все в одном флаконе — и красный диплом, и Кириюха, и папа адвокат.

— Вот, нашла! — радостно провозгласила мама, вернувшись из кухни со штопором. — Сейчас откроем и нальем... Нет, это ж надо — счастье какое... Я так рада за нас с тобой, Кира! Я ведь правильно говорю — за нас с тобой? Согласись,

ВЕРА КОЛОЧКОВА

в твоём успехе и моя доля есть... Правда? Без меня и ты бы не состоялась.

— Правда, правда, мамочка. Конечно же, есть. Ну куда я без тебя? Ты у меня молодец.

— Ничего себе, молодец... — обиженно подняла к ней голову мама. — Как это — молодец? Да я... Я же, можно сказать, всю жизнь тебе отдала, до последней капельки.

— Мам, ну не придирайся к словам. Дай лучше я открою, а то у тебя штопор вон криво пошел...

— Нет уж, давай договорим, раз начали! А ты что, по-другому считаешь, что ли? Что я просто мать-молодец и все? Да вон их сколько, матерей-молодцов этих! Сплошь и рядом только и делают, что судьбы свои устраивают в первую очередь, а дети для них — параллельная линия! А я... Да я всю жизнь... Я ведь тоже могла замуж выйти...

— Ма-ма-а-а... — жалостливо протянула Кира, отбирая из задрожавших материнских рук бутылку. — Ну перестань, пожалуйста...

— Да что — перестань? Я тоже могла как-то устроить свою судьбу! Но я этого не сделала — ради тебя! Чтобы ты в люди вышла, чтоб добилась чего-то в жизни. А ты не понимаешь! Да если б я только захотела... Я бы сорок раз могла замуж выйти.

Плюхнувшись на диван рядом с дочерью, Елена Андреевна всхлипнула, приготовившись

Под парусом надежды

всплакнуть. Кира сидела, смотрела на нее растерянно и виновато. И что она, в самом деле, так оплошала — надо было ей самой догадаться, каких таких слов от нее мама ждет. И сказала бы, не убыло бы от нее! Чего тут непонятного-то? Каждая же мать считает, что она себя всю ребенку своему отдала! А тем более, ее мама так считает, у которой никаких таких возможностей про «сорок раз замуж» и вовсе не было. И даже одной, самой разнесчастной возможности на горизонте не появилось. Когда отец их бросил, маме уж под сорок было. Хотя и странно, почему этих проклятых возможностей так и не появилось — вполне она у нее интересная женщина. И следит за собой, и стрижки вон модные носит, и готовит неплохо...

— Мам, да ты у меня самая замечательная мать на свете! — потянулась к ней с объятиями Кира. — Ну чего ты, в самом деле? Ты думаешь, я ничего не понимаю, что ли? Это же... Это же подвиг настоящий! Остаться одной, учить ребенка пять лет в институте.

— Да! И без всякой помощи, заметь! На скромную учительскую зарплату! А отец твой хоть чем-нибудь нам помог? Ну вот скажи, помог? А я выкручивалась, как могла. Только я одна знаю, как тяжело мне это далось.

Кира хотела было сказать, что и она тоже в этом «тяжело далось» немалое участие принимала, но вовремя прикусила язык. И правильно,

ВЕРА КОЛОЧКОВА

что прикусила. Еще того не хватало, чтоб она сейчас ныть начала, как ей тоже нелегко было нестись после лекций на всякие студенческие подработки. Слава богу, подработок этих — завались. Можно, например, промоутером в супермаркете горло надрывать, выкрикивая в толпу про выгодную акцию «купите две банки майонеза — третья в подарок», можно, напялив на себя дурацкий плюшевый костюм чебурашки, раздавать бумажки-завлекалки около детского магазина одежды, можно и в «Макдоналдсе» только на вечерние смены договориться... А потом сидеть всю ночь над учебниками, чтоб не сойти со своей спринтерской дорожки, финал которой она сама себе с первого курса определила в виде вот этой красной книжечки, красующейся на столе рядом с бутылкой хорошего французского вина...

— Ладно, мам, ну чего ты, в самом деле? Все же хорошо. Видишь, все у нас с тобой получилось. Мы обе молодцы, мам. И я, и ты. Давай выпьем за наш успех!

— Давай... — улыбнулась сквозь слезы Елена Андреевна. — За нас с тобой, доченька.

Французское вино оказалось кислым, аж скулы свело. И чего это им все так восхищаются? Кира передернулась слегка, скосила глаза на мать. Та, наоборот, закатив глаза к потолку, произнесла мечтательно:

— Ой, прелесть какая... Это вино мне Люся из

Под парусом надежды

Парижа привезла. Вот же счастливая! По Парижам ездит...

— Ничего, мамочка, и ты поедешь. Какие твои годы? Вот заработаю денег и непременно отправлю тебя в Париж.

— Правда? — выгнув спину и поставив бокал на стол, повернувшись к дочери Елена Андреевна. — Неужели и правда так будет, Кирочка?

— А то! Конечно, правда! Ну, может, не так скоро. Но я буду стараться, мамочка. Поработаю два года стажером у Кирюшкиного отца, потом тоже адвокатом буду... У меня все получится! Ты же знаешь, я упорная. И еще — мне всегда везет! Я много денег заработаю, вот увидишь!

— А я в этом и не сомневаюсь, Кира. При такой специальности грех не зарабатывать. Знаешь, что мне больше всего в твоей будущей профессии нравится?

— Что, мам?

— А то, что в ней зарплатной безысходности нет! Вот возьми меня, например... Я всю свою жизнь на зарплате сижу. И всегда точно и определенно знаю, какую сумму получу раз в месяц. Просто до последней копейки знаю. Согласись, что в этом есть тоска какая-то... Безысходность жизненная. А у тебя впереди — полет! Возможности! Все-таки как тебе повезло, что именно с Кирюшей у тебя отношения сложились. А я, знаешь, так боялась об этом всегда думать,

ВЕРА КОЛОЧКОВА

доченька. Боялась, что влюбишься в какого-нибудь обормота, как я когда-то, и он тебе всю жизнь испоганит.

— Я? Влюблюсь? В обормота?

— А что? Я знаю, что говорю! А Кирюша, он у нас... хороший такой.

— Да, хороший... — тихо проговорила Кира. — Конечно, хороший.

— Доченька, а он это... про свадьбу еще не заговаривал?

— Да рано еще, мам... Мы только полгода встречаемся. Какая свадьба?

— Как это — рано? И ничего не рано. У вас серьезные отношения. И родителям его ты понравилась, сама говорила. Не зря же Кирюшин отец тебя к себе на работу пригласил.

— Ага... А завтра я к ним на дачу еду, будем наши дипломы обмывать.

— Правда? А почему ты мне ничего не рассказываешь? Ну-ну... И кто там будет?

— Да никого не будет. Так, отметим в узком семейном кругу, как Кирюшина мама выразилась. Шашлыки и все такое прочее...

— Ну вот видишь! Раз тебя зовут в узкий семейный круг, это уже о многом говорит! А когда ты едешь?

— Да прямо с утра. Кирилл за мной на машине заедет.

Под парусом надежды

— Ой, как хорошо. На машине. На дачу. На шашлыки. Нет, ты сама своего счастья не понимаешь, доченька! Эх, мне бы хоть денек пожить такой вот жизнью. Ну, ничего! Раз мне не довелось, значит, ты за меня хорошую жизнь проживешь! А потом вы поженитесь, и у вас будет свой большой дом. И машина... И отпуск на Гавайях... Прямо как начинаю об этом думать — сразу голова кругом идет! Нет, не зря все-таки я свою несчастную жизнь прожила.

— Мам, ну почему — прожила? И почему — несчастную? Что за настроения такие? Вот, опять плакать собралась.

— Ой, да я от счастья, доченька. И от гордости за тебя. Это ж надо, моя дочь — адвокат! С ума можно сойти!

— Ну, до адвоката мне еще далековато, мам. Я еще стажером два года буду. Может, и адвоката из меня никакого вовсе не получится.

— Не говори так, Кира! Как это — не получится? Обязательно получится. И вообще, не мешай мне радоваться. У меня сегодня звездный час, именины сердца, а она — не получится. Я столько лет к этому дню шла, столько слез горьких в подушку выплакала.

— Ой, не начинай, мам! Прошу тебя!

— А этот... этот мерзавец, отец твой... Он теперь пусть мне завидует. Потому что у него теперь ничего нет, а у меня — дочь адвокат! Вот так